

УДК [328: 321.01] (321.6+321.7)

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Шкель С.Н.

ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», Уфа, Россия, (450062, Уфа, ул. Космонавтов, 1), e-mail: stas-polit@yandex.ru

В статье проведен анализ основных концептов исследования постсоветских политических трансформаций. Выделяются две ключевые теоретико-методологические парадигмы в виде неинституционального и культурно-исторического подходов, между которыми на современном этапе ведется основная научная дискуссия. Каждый из выделенных теоретических концептов по-разному объясняет причинно-следственные связи и закономерности траекторий политического развития стран бывшего СССР. Если первый ориентируется на эмпирическое описание постсоветских трансформаций, то второй подход разрабатывает собственную методику, способную отразить специфический контекст и культурную специфику исследуемых случаев. Делается вывод, что хотя дискуссионность многих вопросов относительно причин и факторов режимной диверсификации государств постсоветского пространства сохраняется, наличие разных теоретических парадигм является преимуществом, создающим условия для более объективного анализа сложного процесса политического развития постсоветских обществ.

Ключевые слова: постсоветское пространство, постсоветские трансформации, политическая теория, политическая наука, неинституционализм, культурно-исторический подход.

UNDERSTANDING POST-SOVIET TRANSFORMATION IN CONTEMPORARY POLITICAL SCIENCE

Shkel S.N.

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia, (450062, Ufa, Cosmonauts Street, 1), e-mail: stas-polit@yandex.ru

The article analyzes the basic concepts of the study of post-Soviet political transformations. Identifies two methodological paradigms as the neo-institutional approaches and cultural-historical between which at the present stage being the main scientific discussion. Each of the selected theoretical concepts have different explains about communication patterns and trajectories of the political development of the countries of the former USSR. If the first focuses on the empirical description of the post-Soviet transformation, the second approach is developing its own methodology, the ability to reflect the specific context and cultural specificity of the test cases. It is concluded that although many debatable questions on the causes and factors of diversification regime post-Soviet states is maintained, the existence of different theoretical paradigms is an advantage, creating the conditions for a more objective analysis of the complex process of political development of post-Soviet societies.

Keywords: post-Soviet space, the post-Soviet transformation, political theory, political science, neoinstitutionalism, cultural and historical approach.

На современном этапе неинституциональный подход можно признать одним из доминирующих в осмыслении постсоветских трансформаций. В. А. Ачкасов отмечает, что «складывающаяся в России институциональная система не может быть понята лишь в нормативно-правовом ракурсе без учета доминирующих в ней традиционалистских, корпоративно-бюрократических неформальных правил игры. Планомерное воспроизводство этих «правил» может существенно модифицировать социальный характер формирующейся системы институтов, придать ей авторитарно-олигархическую направленность, ибо

российские демократические институты не имеют ценностного либерального наполнения» [1, с. 91].

Идеи Р. Д. Патнема в духе неoinституционализма применил к анализу постсоветских трансформаций в России американский политолог М. Урбан, который указывал в качестве недостатка существующих исследований посткоммунизма их недостаточное внимание к устоявшимся моделям социальных отношений. Неудачи демократизации в странах постсоветского пространства он видел в утверждении вертикальных (патрон-клиентских), а не горизонтальных (гражданских) социальных сетей. Согласно его мнению, вертикальные социальные сети в России утвердились уже в советскую эпоху, что неоднократно было замечено в работах западных советологов. Радикальные реформы, проводившиеся с недооценкой роли формальных институтов и изоляцией государства от социально значимых сфер, привели к институциональному вакууму, который стал заполняться неформальными, персоналистическими социальными отношениями. В результате «российские экономические реформы скорее стимулировали, нежели сдерживали рост сетевых структур власти, стремившихся приватизировать не только экономические объекты, но и госаппарат» [7, с. 72]. На основе многочисленных эмпирических примеров он пришел к выводу о подавлении и искажении в России формальных политических институтов неформальными практиками. Слабость государства и влияние сетевых структур власти подпитывают друг друга. Слабость политических институтов М. Урбан объяснял особенностями российского трансформационного процесса, специфика которого заключается в том, что «право править» в начале 1990-х годов было закреплено «не в процессе институционального строительства и формального примирения противоборствующих сил, согласившихся следовать правилам игры, а силой, примененной Ельциным в ходе государственного переворота октября 1993 года. После физического устранения оппозиции отпала необходимость в создании государственных институтов, в обезличенной форме обеспечивающих право на власть. Поскольку правитель уже всем известен (будь то Ельцин или Путин), создание оппозиции в общепринятом смысле этого слова – пустая затея. Обрести влияние и доступ к государственным ресурсам теперь можно при помощи связей с сетевыми структурами власти, способными контролировать государственные органы, которые могут быть полезны при распределении желанных благ. Эти сети напоминают скопище паразитов, облепивших институциональную ткань и упорно пожирающих ее изнутри» [7, с. 75].

В. Я. Гельман также считал неoinституциональный подход наиболее приемлемым научным инструментарием объяснения и выявления факторов постсоветских трансформаций. Господство неформальных институтов, препятствующих установлению верховенства права, он назвал главной особенностью постсоветских трансформаций. В этой

связи он считал крайне важной проблему определения причин возникновения и механизмов образования неформальных институтов в российской политике. В своих статьях он предпринял первые шаги по раскрытию этой проблемы, предложив процедурную модель неформальной институционализации и выявив потенциальные эффекты неформальных институтов с точки зрения динамики политического режима в России [2].

По мнению В. Гельмана, существующие объяснения специфики институционального строительства в России и других постсоветских странах, которые оперируют структурными факторами (культуралистскими и государственно-ориентированными), нельзя признать удовлетворительными. Поэтому при учете структурных факторов объяснительная модель институционального строительства должна быть дополнена изучением процедурных компонентов. Процесс институционального строительства политолог предложил рассматривать в виде политического цикла, включающего в себя институциональный выбор и институциональные эффекты. На момент начала такого цикла существует равновесие акторов, ни один из которых не обладает значимыми ресурсами для изменения сложившейся конфигурации политических сил. Затем в силу экзогенных причин равновесие нарушается. Получив соответствующие стимулы, акторы делают выбор в пользу того или иного варианта институционального строительства. В итоге институциональные изменения достигают «точки насыщения» и устанавливается новая точка равновесия, что знаменует завершение политического цикла.

Сам цикл институциональных изменений ученый описывает с помощью формулы пяти «И»: Институциональные изменения = интересы + идеологии + информационный дефицит [2, с. 12–13]. Это означает, что при нарушении равновесия политические акторы начинают действовать, преследуя свои интересы. Однако в условиях информационного дефицита и высокого уровня неопределенности они нуждаются в некоем «фильтре» для сортировки данных. Этим «фильтром» для них выступает идеология.

В. Гельман пришел к выводу, что опыт постсоветских трансформаций позволяет утверждать, что «эволюция институтов была во многом предопределена их выбором на начальной стадии реформ, а этот выбор, в свою очередь, обуславливался идеологиями и интересами акторов. И хотя отдельные «дыры» в законах со временем устранялись, принципиальные лакуны и умолчания стали питательной средой для возникновения и роста неформальных институтов. Оказавшись полезными для тех или иных акторов, такие институты могли укореняться или даже закрепляться в формальных нормах; в противном случае их отбрасывали за ненадобностью либо заменяли другими. Сохраняли значение и политические возможности, однако их влияние на ход институционального строительства было опосредованным. «Наследие прошлого» в известной мере отражалось на идеологии

акторов, игравшей немалую роль при выработке курса реформ, а низкая автономия государства проявляла себя на стадии реализации норм (в частности, при селективном их применении)» [2, с. 21]. Политические возможности создавали определенные ограничения при выборе институтов, но конкретные варианты реформ все же зависели от действий акторов.

Несколько иные причины деформализации правовых норм в постсоветской политике выделял А. Д. Хлюпин, который проблему видел в социокультурной плоскости и поэтому для исследования этого явления считал необходимым использовать когнитивный подход. По его мнению, процесс принятия акторами реальности новых правил поведения зависит прежде всего от общепринятых представлений о норме. Ссылаясь на социологические исследования, ученый доказывал, что обыденному сознанию россиян свойственно абстрактное понимание того, что такое норма. Утверждалось, что россиянам свойственно не рациональное, а интуитивная форма правосознания. «Если для французов закон – это “правило, которому необходимо следовать” и которое надо “уважать”, то русские видят в нем дистанцию, которую требуется сохранить, границу, которую либо не переходить, либо обходить, проявляя избирательность и осторожность. Восприятие закона как рамки зачатую с нечеткими, изменчивыми контурами придает ему статус особой реальности: оставаться в рамках закона значит уметь манипулировать нормами. В процессе подобного рода манипуляций и происходит демформализация правил», – делает вывод А. Д. Хлюпин [8, с. 11].

Л. Шевцова, рассуждая о причинах авторитарной трансформации в России в период президентства В. Путина, указывала, что для демократического развития в России отсутствовали следующие факторы: 1) давление общества снизу с требованиями системных реформ; 2) готовность к трансформации, по крайней мере, части политического и экономического класса; 3) наличие влиятельной либерально-демократической оппозиции, которая могла бы предложить концепцию и обоснование радикальных реформ; 4) наличие благоприятной международной атмосферы, т. к. Запад стал в большей мере заинтересован в стабильной, пусть и авторитарной России и перестал быть фактором трансформационного влияния [9, с. 50].

Американский политолог М. Макфол, проанализировав текущие исходы политико-режимных трансформаций 28 постсоветских стран Восточной Европы и бывшего СССР, пришел в 2002 году к выводу, что из них все отказались от коммунизма, но только девять вступили в лагерь либеральных демократий. Политолог считал, что тип нового политического режима во многом обусловлен характером элитных группировок, задающих импульс политических преобразований. Если перевес в политическом противоборстве

получали радикальные реформаторы, опиравшиеся на поддержку «снизу» и действовавшие «извне» традиционного истеблишмента, открывались перспективы подлинной демократизации. Если сила была на стороне «мимикрировавших» представителей старого режима, которые «сверху» навязывали новые правила игры, итогом становилось утверждение новой версии авторитарного режима. Наконец, если победитель определялся лишь после относительно длительного периода сохранения баланса сил, возникали те или иные разновидности «гибридных» режимов. В этом смысле проявлялась существенная специфика многих постсоветских стран, не вписывающихся в традиционные транзитологические схемы. Если в других странах баланс сил приводил к публичному пакту элит и институционализации демократии, то на постсоветском пространстве, напротив, равенство сил и затяжное противоборство приводило к закулисным политическим сговорам и формированию гибридного (полудемократического) политического режима [10].

Наряду с «транзитологическими» схемами объяснения постсоветских трансформаций в российской политологии продолжалась развиваться школа, которую условно можно назвать «культурно-исторической». Наиболее яркими ее представителями были Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов, которые сформировали концепт «русской системы» и «русской власти». Авторы рассматривают Власть в качестве важнейшего фактора и структурообразующего элемента Русской Системы, складывавшейся с XVI в. как альтернатива капиталистической системе Запада. Двумя другими элементами Русской Системы выступают Популяция (население) и Лишний человек (индивидуальный или коллективный). При этом единственно социально значимым субъектом Русской Системы, по мнению авторов, всегда выступала Власть. К числу основных ее характеристик исследователи относят «моносубъектность» и «дистанционность». Среди причин, обусловивших ее возникновение, главными они считают влияние на Русь татаро-монгольского нашествия и двухсотлетнее господство Орды. Крупнейшие социально-политические потрясения последних 500 лет русской истории Пивоваров и Фурсов увязывают с переделами Власть. Каждый из этих переделов, утверждают они, означал возвышение новой «привластной группы», которая неизменно оказывалась многочисленнее и беднее предыдущей. С коммунизмом Власть была как бы размыта по России, в нее впервые оказалась включена Популяция [6].

Продолжая развивать концепцию «русской власти», Ю. С. Пивоваров рассматривал неудачу российского демократического транзита посредством исторического анализа становления российской власти. По его мнению, исторические особенности и специфика «русской власти» продолжает играть огромную роль. Современный политический процесс в России ученый трактует как завершение «транзита». Как он подчеркивает: «Выйдя из пункта

«А», Россия пришла к пункту... «А». Я умышленно написал слово «транзит» в кавычках (правда, лучше бы вообще им не пользоваться). Ведь транзит предполагает попадание в пункт «Б». Однако русский транзит обладает особыми свойствами. Его траектория всегда замысловата, так сказать, в процессуальном отношении, но «провиденциальна» в содержательном. Я бы сформулировал это так: отречемся от старого мира, разрушим его до основания, построим новый и вдруг обнаружим, что все это на самом деле было спасением мира старого – не по форме, по существу» [6]. Таким образом, по мысли Ю. С. Пивоварова, «...то, что мы видим сегодня, есть не только и не просто «возвращение» к советским временам. Это возвращение вообще. Возвращение к тому, что было всегда, несмотря на множество реформ, поверхностный политический плюрализм и т. п.» [6, с. 15].

Причины этого ученый видит в исторических и социокультурных основаниях. Как он пишет: «В нашей стране господствует “самодержавная политическая культура”. Ее ключевая характеристика – властечцентричность. Причем “власть” должна писаться с большой буквы – “Власть”. Она главное действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования – царь, император, генсек, президент. Важно также подчеркнуть, что эта Власть всегда персонифицирована, т.е. обязательно предполагает определенного носителя (в отличие от Запада, где власть отделена от правителя и не является его личной прерогативой)» [6]. Таким образом, важнейшим фактором постсоветских трансформаций называется культурно-исторические предпосылки, что позволяет данную концепцию причислить к структурному подходу.

Теория «русской системы» нашла продолжение и различные модифицированные версии в работах таких ученых, как В. А. Дубцев, Н. С. Розов, В. Б. Пастухов, А. И. Липкин и других [3; 5].

Данные дискуссии позволили М. Ильину говорить о формировании нескольких школ в российской политологии. Представителей первой школы он обозначил как «эмпирически ориентированных транзитологов». Вторых как «склонных к «плотному описанию» (thick description) «самобытников» со своими исследовательскими программами и стилями» [4]. Последние выявили не только устойчивость, но и динамизм «русской системы», неоднозначные эффекты ее включения в мировой контекст.

Можно заключить, что хотя дискуссионность многих вопросов относительно причин и факторов режимной диверсификации государств постсоветского пространства сохраняется, наличие разных теоретических парадигм является преимуществом, создающим условия для более объективного анализа сложного процесса политического развития постсоветских обществ.

Список литературы

1. Ачкасов В. А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. – 2001. – № 3. – С. 83-92.
2. Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. – 2003. – № 4. – С. 6-25.
3. Дубцев В. А., Розов Н. С. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // Полис. – 2007. – № 3. – С. 8-23;
4. Ильин М. В. В поисках новых русских стилей (Пятнадцать лет «Полиса» и отечественной политической науки // Полис. – 2006. – № 1. – С. 5-11.
5. Липкин А. И. Российская самодержавная система правления // Полис. – 2007. – № 3. – С. 39-52.
6. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. – 2001. – № 4. – С. 37-48.
7. Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. – 2002. – № 4. – С. 66-85.
8. Хлопин А. Д. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? // Полис. – 2004. – № 6. – С. 6-15.
9. Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. – 2004. – Т. 8, № 3. – С. 44-56.
10. McFall M. The Fourth Wave of democracy and Dictatorship. Noncooperative Transition in the Postcommunism World // World Politics. – 2002. – Vol. 54, № 2. – P. 212-244.

Рецензенты:

Дорожкин Ю.Н., д.ф.н., профессор, проректор по науке Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа;
Вальков А.А., д.ф.н., профессор кафедры политологии и истории Башкирского государственного университета, г. Уфа.